

Владимир Аракчеев

Рец. на: Б.Н. Флоря. Лекции по русской истории.

М.: Древлехранилище, 2021. 544 с.

Vladimir Arakcheev

*(Russian state archive of ancient acts; Institute of Russian History,
Russian Academy of Sciences, Moscow)*

Rec. ad op.: B.N. Florya. Lektsii po russkoy istorii. Moscow, 2021

DOI: 10.31857/S0869568722060206, EDN: МОВКИН

Выход в свет сборника лекционных курсов выдающегося российского историка, члена-корреспондента РАН Б.Н. Флоры, прочитанных им в период работы в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова в 1994–2021 гг., – незаурядное явление в отечественной историографии второй половины XX – начала XXI в. Традиция издания авторизованных лекций ушла в прошлое сразу после революции 1917 г.; последним опытом такого рода стала публикация курса М.К. Любавского по истории западных и южных славян¹. Символично, что возобновление этой традиции связано с творчеством крупнейшего современного славяноведа, научного наследника и продолжателя Любавского.

Публикация курса лекций была бы невозможна без сотворчества его учеников, объединивших собственные конспекты и рабочие записи в единый текст, авторизованный Б.Н. Флорей. Сохранившие некоторые повторы и шероховатости, свойственные устной речи, лекции передают ни с чем не сравнимое биение мысли учёного. Всем хорошо известны его статьи, выходившие в научной периодике с начала 1970-х гг., выводы и открытия которых в малой степени были явлены в его предыдущих трудах по русской истории. Отрадno, что в лекционных

курсах даже без ссылок можно узнать контуры интерпретаций и открытий историка, которые во многом определяли ход исследований русского феодализма в позднесоветское и постсоветское время.

Сборник открывается лекциями по истории средневековой Руси. Частично они повторяют содержание разделов, написанных Флорей для вузовского учебника, но хочется отметить наиболее значимые расхождения с последним². Рассуждая о характере формировавшихся у восточных славян протогосударственных структур, автор апеллирует к исследованиям по истории раннегосударственных объединений западных славян – поморских племенных союзов, а также чехов. Обнаруживая несомненные параллели в территориальной организации славян (например, размещение князя в отдельном от племенного «града» укрепленном поселении), Флоря строит несколько иную объяснительную модель, нежели в раннем учебнике, где предназначение дружины объяснялось необходимостью изымать ограниченный по объёму прибавочный продукт у сплочённых славянских объединений³.

В курсе лекций особо отмечено отсутствие в Киевской Руси «сколько-нибудь развитых частнособ-

ственнических отношений», что придавало исключительную роль в системе власти княжеской дружине и обеспечивавшей её «служебной организации» (с. 43–44). Таким образом, место экономических отношений в описании древнерусского общества заняли отношения потестарные. Заслуживают самого пристального внимания суждения автора о сущности древнерусской верви, которую он соотносит с выявленной польскими и чешскими историками сельской общиной, окружавшей княжеские грады (с. 45).

Общество средневековой Руси XIV–XV вв. автор лекционного курса склонен считать феодальным социумом, что идёт вразрез со сложившейся в современной историографии тенденцией избегать упоминания о феодализме в России. Основными противостоящими классами русского общества он считает феодалов, земельных собственников, с одной стороны, и «сидящих на их земле крестьян» – с другой. Вместе с тем Флоря указывает на существенные отличия феодализма в пост-каролингской Франции и русских землях, где объём иммунитетных привилегий светских землевладельцев был незначительным и не представлял угрозы государственному единству (с. 106–107).

Существенно отличавшееся от русского общество сложилось и в Великом княжестве Литовском, где местная шляхта обладала широкими сословными правами, что позволяет типологизировать это государство как сословно-представительную монархию. В то время как в Литве по привилегии 1447 г. владения рыцарского сословия были освобождены от уплаты постоянных налогов, светские и церковные землевладельцы на Руси, как правило, оставались в сфере государственного фиска, что препятствовало их превращению в самостоятельную политическую силу (с. 110, 174).

По мнению Флоря, в XVI в. на новом этапе развития России централизаторская политика великих князей, сопровождавшаяся унификацией положения отдельных социальных групп, привела к их интеграции и складыванию сословий (с. 138).

Подробное перечисление повинностей крестьян новгородским помещикам в писцовых книгах рубежа XV–XVI вв. автор обоснованно считает показателем того, что эти повинности устанавливались государственной властью, и помещик не имел права произвольно их изменять (с. 122). В отличие от трактовки в учебнике 2006 г., где Флоря допускал издание в 1592 г. всеобщего указа о закрепощении⁴, в рецензируемом сборнике в соответствии с новейшими исследованиями процесс закрепощения увязывается с распространением режима заповедных лет на всю территорию страны (с. 155).

Второй лекционный курс посвящён истории Новгородского государства и общества в IX–XV вв. Во вступительных замечаниях Флоря отдаёт должное основополагающим трудам В.Л. Янина, которые, по его словам, охватили «едва ли не все аспекты развития новгородского общества и государства». Свою же задачу автор видит в решении вопроса о характере новгородской государственности и «определении её специфики путём сравнения с другими современными ей политическими структурами» (с. 183). Однако в реализации этой задачи автор достаточно самостоятелен, причём самостоятелен настолько, что отказывается от ряда основополагающих идей и концепций Янина, предлагая собственные.

Прежде всего, Флоря не принимает концепцию Янина о незначительном значении для Новгорода событий 1136 г., связанных с изгнанием Всеволода Мстиславича. Как известно,

суть этой концепции состоит в том, что серией договоров между князьями и Новгородом 1117–1132 гг. были достигнуты соглашения о пожизненном княжении Всеволода в Новгороде, создании совместного суда князя и посадника, без санкции которого князь не имел права выносить окончательное решение. Запрет князю владеть вотчинами на территории Новгородской земли привёл к выделению Всеволоду домениальных земель из числа северных смоленских волостей (от Холмского погоста и Ляхович до Жабны), которые в дальнейшем должны были стать источником дохода для князей, принадлежащих к потомству Мстислава Владимировича. Таким образом, в трактовке Янина арест и изгнание Всеволода в 1136 г. не имели революционного значения, поскольку первый этап государственного переустройства Новгорода к этому времени уже завершился⁵.

Частично Флоря признаёт результаты исследования Янина, подчёркивая, что в отличие от 1132 г. события 1136 г. не имели переломного значения, но это заявление обесценивается другими суждениями автора. Флоря не упоминает о существовании домениальных княжеских земель в составе новгородских территорий, из чего следует, что янинскую концепцию княжеского домена он не принял. С этим связана и иначе решаемая автором проблема утраты новгородскими князьями прерогатив распоряжения землями и доходами. Вопреки исследованиям Янина, доказывавшего, что грамота Изяслава Мстиславича о пожаловании Пантелеимонову монастырю села Витославицы была выдана в 1134 г., поскольку испрашивалась им у веча из состава республиканских земель, Флоря датирует документ временем великого княжения Изяслава (1146–1155). С точки зрения автора, новгородские князья утратили преро-

гативы распоряжения землями и доходами после 1137 г., когда Святослав Ольгович наделил епископскую кафедру десятиной от даней в погостах Прионежья и Заволочья. Впоследствии доходы на содержание княжеского двора выделялись князю лишь на время обладания новгородским столом и представляли собой кормления в волостях, где, по мнению Флоря, не предусматривался совместный суд представителей Новгорода и князя (с. 207, 211–213).

Флоря существенно дополнил концепцию Янина о концентрации собиравшейся в волостях дани в руках новгородского боярства, показав, что экспедиции за данью возглавляли не всегда бояре, а «собранная дань в той или иной мере распределялась между членами общины». Это обеспечивало новгородским властям поддержку со стороны последней (с. 221). Не поддержал автор и мнение Янина об утверждении независимости Пскова от Новгорода в 1137 г.⁶, отмечая черты федеративной организации Новгородской земли, в составе которой вплоть до начала XIV в. оставался и Псков (с. 222).

В курсе лекций предложено принципиально новое решение проблемы соотношения городских концов и сотен, в чём Б.Н. Флоря следует за В.О. Ключевским. Последний полагал, что сотни, будучи частью тысячи как «рекрутские округа» в военное время, одновременно «складывались в более крупные союзы — концы» таким образом, что «каждый городской конец состоял из двух сотен»⁷. Флоря развил эту гипотезу, показав на материале договоров Новгорода с князьями, что простые новгородцы «одновременно принадлежали к кончанско-уличанской организации и входили в состав сотен» (с. 229).

Новаторской по постановке вопроса является девятая лекция, по-

свящённая возникновению системы феодального землевладения и трансформации федеративной структуры Новгородского государства в XIV–XV вв. Флоря акцентирует внимание на том, что с началом формирования крупного боярского землевладения возникла опасность поглощения новгородскими боярами свободного земельного фонда, что вело к усилению местного сепаратизма и как успешных, так и безуспешных попыток обособления городов и волостей.

Представляется, однако, что тенденции распространения боярских вотчин существовали не повсеместно, а если имели место, то проявлялись по-разному. Так, нет явных следов проникновения новгородских бояр на территорию Псковской земли; имевшаяся же в Пскове вотчина новгородского владыки благополучно существовала там и в период независимости Пскова от Новгорода⁸. Рассматривая борьбу Москвы и Новгорода за Двинские земли, автор упустил из вида факт чересполосного владения Двиной князьями северо-восточной Руси и Новгорода: именно наличие переходивших под суверенитет великого князя московского «ростовщин» и «белозерщин» давало ему право посягать на Двинские земли в целом.

Проблема разрастания боярского землевладения является центральной и для десятой лекции, посвящённой взаимоотношениям Новгорода с князьями в XIV–XV вв. Указывая на уменьшение доходов великого князя, Флоря ставит практику приглашения на службу в Новгород литовских князей в связь с нарушением новгородскими властями «одной из основных норм отношений» с князьями северо-восточной Руси. С точки зрения автора, эта практика нарушала те статьи закончаний, согласно которым посадник не мог раздавать волости без князя (с. 261).

Однако исследователь упустил из вида два обстоятельства. Во-первых, в новгородско-княжеских закончаниях были поимённо перечислены те волости, в которых сидели великокняжеские тиуны или имелось княжеское хозяйство: Торжок, Волок, Руса, Взвяд, Ладога. Ни Орешек, ни Корела, ни Копорье, ни другие городки с округой, передававшиеся в кормление Наримонту и другим литовским князьям, не попадали под запрет их «держания» кем-либо. Во-вторых, как показал Янин, половина Копорья находилась в держании белозерских князей, в свою очередь выступавших в качестве наместников великих князей московских. Да и литовские по происхождению князья, в частности Юрий Лугвеньевич, нередко получали кормления в Новгороде, прибывая туда из Москвы и получая санкцию великих князей московских⁹. Предоставление Руси и Ладоги в кормление Патрикею Наримантовичу следует признать эксцессом и следствием конфликта Новгорода с Дмитрием Донским, разрешённым походом 1386 г. Сказанное означает, что практика приглашения служилых литовских князей в Новгород соответствовала букве и духу московско-новгородских договоров.

Флоря верно говорит о прекращении в начале XV в. межкончанских конфликтов, потрясавших Новгород до 1421 г., но вместе с тем акцентирует внимание на летописной записи 1445 г. об отсутствии в Новгороде «правды» и «правого суда», считая это обстоятельство роковым для дезинтеграции республики (с. 265–266). Представляется, однако, что эта летописная ремарка выражала со свойственным летописцу риторическим преувеличением беспокойство властных кругов об эффективности суда. Ещё в 1420-х гг. была предпринята попытка включить осуждающие открытые вооружённые конфликты нормы

права в Новгородскую судную грамоту, что переводило их в плоскость судебного процесса.

Редактирование Новгородской судной грамоты дьяками великого князя было осуществлено уже после приведения Новгорода к покорности в результате военного столкновения 1471 г. Возглавившие судебную коллегию представители великого князя и сам Иван III во время «похода миром» в 1475–1476 гг. привели Новгород к подчинению, используя помимо вооружённой силы юридические процедуры.

Сравнительно-историческое исследование Новгородского государства в ряду современных ему политических образований привело Флорю к выводу о типологическом сходстве между Новгородом и Чехией послегуситского периода. Обнаруживая аналогии в структуре землевладения и общественном делении, а отличия в составе и функциях высших органов власти, автор делает неожиданный вывод о Новгородском государстве XIV–XV вв. как о находящемся в процессе формирования сословно-представительной монархии (с. 273–274). В обширной историографии средневекового Новгорода подобная терминология не применялась, однако вывод выглядит логичным и обоснованным.

Заключительные лекции посвящены инкорпорации Новгорода в состав Русского национального государства и положению новгородских земель в нём в первой половине XVI в. Не со всеми положениями автора можно согласиться: вряд ли справедлива характеристика Двинских земель, захваченных новгородским боярством, как «великокняжеского домена» (с. 300). В новейших работах показана сложная структура этих земель, многие из которых переходили под власть великого князя вместе с их владельцами,

ростовскими князьями, приобретая статус великокняжеских слобод, которыми управляли наместники из числа их бывших владельцев¹⁰. Однако в целом в спецкурсе содержится детальное и одновременно масштабное описание истории Новгородского государства и общества IX–XV вв.

Спецкурс по истории Рязанской земли в XII – начале XVI в. ставит целью показать глубокое своеобразие этого государственного образования, отличительная особенность которого состояла в более низком, чем в большинстве княжеств северо-восточной Руси, уровне хозяйственного освоения территории. Именно этим автор объясняет слабое развитие светского вотчинного землевладения, почти полное отсутствие судебного и особенно податного иммунитета у светских и церковных вотчинников, а также значительный удельный вес промыслового хозяйства в структуре экономики (с. 370–384).

Спецкурс «Россия и Тридцатилетняя война» представляет собой детальный анализ дипломатических хитросплетений в Восточной Европе 1620–1630-х гг., когда правительство Филарета чуть ли не впервые попыталось на практике решать внешнеполитические задачи в контексте международных отношений. Автор показывает ход событий и мотивы принятия ошибочных решений, главной причиной которых стал дефицит достоверной информации у московских правителей. Расчёты на масштабный внутривнутриполитический кризис и «бескорольеве» в Речи Посполитой в 1632 г. оказались глубоко ошибочными; столь же неверными были сведения о намерении Запорожского войска выступить против польских властей в союзе с Русским государством.

Исключительный интерес представляет спецкурс «М.С. Грушевский и современная украинская историо-

графия». Автор анализирует ключевые проблемы истории Украины, среди которых особо следует выделить феномен казацких объединений, которые Грушевский называл «казацкой республикой», основанной на принципах «народовластия». Флоря показывает, что «народовластие» в казацких поселениях было формой догосударственной организации общества. Казачество, занятое военной службой, претендовало на права и привилегии дворянства и успешно абсорбировало в свой состав разорившихся шляхтичей, которые занимали порой лидирующие позиции в Запорожском войске, подобно гетману Сагайдачному (с. 454–456). Отсюда вытекает логичный вывод о неизбежности перерождения казацкой верхушки в новое дворянство, что и произошло с украинской старшиной в XVIII в. Автор исследует представления об этнической самоидентификации восточных славян в XVII в.; показывает, что наряду с интеграционной тенденцией, в соответствии с которой «воссоединались» отделённые политическими границами фракции единого «русского народа», в политическом сознании нарастала дифференциальная тенденция представлений о двух родственных, но различных народах (с. 457–458).

Флоря объясняет, что в середине XVII в. препятствовало сохранению самостоятельного украинского государства. Невзирая на определённую близость польского шляхетства и верхушки украинского казачества, интеграция «Великого княжества Русского» (Гетманства) в политическую структуру Речи Посполитой оказалась невозможна из-за категорического несогласия массы рядового казачества и казацкой верхушки вернуть земельные владения польским магнатам и шляхте (с. 462–464). Немаловажную роль в умалении украинского влияния на русскую культуру оказала

и европеизация России при Петре I, ибо в начале XVIII в. Украина утратила значение своеобразного «моста» между западноевропейским миром и Россией. Последняя получила непосредственный доступ к достижениям европейской культуры, что перевело, в частности, малороссийский язык, по выражению Грушевского, в разряд «провинциализма, не имеющего никакой будущности» (с. 472).

Перерастает по научной значимости свою тему и заключительный спецкурс «Государство и церковь в России XVI – начала XVIII в.». Флоря подчёркивает кардинальные отличия положения католической Церкви на Западе от православной Церкви в России. Если в католическом мире уже в XII–XIII вв. все дела, касавшиеся духовных лиц, должны были рассматриваться лишь в архиерейском суде, а Латеранский собор 1215 г. провозгласил освобождение церковных земель от налогов и повинностей в пользу государства, то в России с 1551 г. началась последовательная борьба с иммунитетными привилегиями Церкви (с. 495, 512).

Автор показывает, как Церковь боролась за укрепление своего положения в XVI в., какую важную роль сыграли её иерархи в выходе страны из политического кризиса в 1547–1549 гг. (с. 502). Однако зависимость от власти привела к её упадку в годы развала государственного аппарата в период Смуты. Флоря показывает бессилие церковных иерархов в начале XVII в., когда ни ростовский митрополит, ни коломенский и тверской епископы, ни сам патриарх Гермоген оказались не в силах воспрепятствовать отрядам самозванцев или бунтующему плебсу грабить или низлагать царя (с. 486–488).

Упадок авторитета Церкви проявился и в пренебрежении её интересами со стороны правящей элиты:

духовенство не принимало участия в приговоре 30 июня 1611 г., не упоминалось в коллективных челобитных 1648 г., не участвовало в работе «ответной палаты», обсуждавшей текст Соборного уложения 1649 г. (с. 489, 503). Закономерным в этом контексте представляется полное подчинение Церкви государству в первой четверти XVIII в.

К сожалению, тексты лекций оказались несвободны от некоторых досадных ошибок, ставших следствием неверного понимания прочитанного слушателями и не исправленных при авторизации лекций. Так, известная из Русской Правды счётная денежная единица гривна кун приравнивалась по стоимости не к «шкурке куницы» (с. 41), а к 25 кунам, каждая из которых соответствовала шкурке куницы. Войска княжеской коалиции осадили Новгород не в 1169, а в 1170 г. (с. 62).

В заключение следует отметить наиболее продуктивную идею, «пронизывающую» лекционные курсы Б.Н. Флори. В отечественной историографии 1970–2010-х гг. имелся опыт компаративных исследований древней и средневековой Руси. Наиболее известными были ранние работы И.Я. Фроянова, в которых проводились параллели между древнерусскими «городами-государствами» и полисами Древней Греции и даже Северной Африки, и эскизы С.М. Каштанова, сопоставившего Московскую Русь XVI в. с Каролингской империей¹¹. Вступавшие в неустрашимые противоречия с фактами, оба подхода оказались ещё менее продуктивными, чем более ранняя и известная концепция Н.П. Павлова-Сильванского.

Осуществлённые Флорей сопоставления положения дел в древнерусских государствах и в государствах западных славян оказались поразительными по своим результатам, благодаря которым ему удалось построить наименее противоречивую модель истории средневековой Руси и её перехода к России раннего Нового времени. Сборник лекционных курсов Б.Н. Флори послужит источником продуктивных идей и разработок для представителей нынешней генерации историков-русистов и сохранит немаловажное учебно-педагогическое значение для подготовки студентов-историков.

Примечания

¹ Любавский М.К. История западных славян (прибалтийских, чехов и поляков). Лекции. М., 1917. С. 5, 241–251.

² История России с древнейших времён до конца XVII века. Учебное пособие / Под ред. Л.В. Милова. М., 2006.

³ Там же. С. 82.

⁴ Там же. С. 412.

⁵ Янин В.Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М., 2008. С. 46–56.

⁶ Там же. С. 58.

⁷ Ключевский В.О. Сочинения в 9 т. Т. 2. М., 1987. С. 63.

⁸ Arakcheev V.A. The Evolution of State Institutions of the Republic of Pskov and the Problem of its Sovereignty from the Thirteenth to Fifteenth Centuries // Russian History. 2014. № 41. P. 423–439.

⁹ Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981. С. 223–228.

¹⁰ Аракчеев В.А. Новый источник по истории великокняжеской политики в северорусских землях в третьей четверти XV в. // Российская история. 2011. № 4. С. 178–184.

¹¹ Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988. С. 265–268; Каштанов С.М. Московское царство и Запад: Историографические очерки. М., 2015. С. 439–445.